

Ключ к будущему: как сделать финансовую систему инструментом развития

Одиннадцатое заседание
Интеллектуального клуба «Свободная Мысль»

Ключ к будущему: как сделать финансовую систему инструментом развития

Key to the future: How to make the financial system development tool

Аннотация. Анализ экономической политики показывает недопустимость макроэкономической стабилизации за счет подавления экономической активности. На примере деятельности правительства Е. М. Примакова показана необходимость кардинальных изменений в деятельности государства. Обеспечение экономического роста требует ограничения финансовых спекуляций, гибкого государственного регулирования и повышения на этой основе уровня монетизации экономики. Динамика глобального кризиса диктует необходимость превращения рубля в региональную валюту.

Annotation. The analysis of economic policy shows inadmissibility of macroeconomic stabilization due to suppression of economic activity. On the example of activity of the government of E. M. Primakov need of cardinal changes in activity of the state is shown. Ensuring economic growth demands restriction of financial speculation, flexible state regulation and increase on this basis of level of monetization of economy. Dynamics of global crisis demands transformation of rouble into regional currency.

Ключевые слова. Финансовая система, девальвация, Банк России, Минфин, либерализм, монетаризм, интеграция, рост, спад, спекуляции, регулирование, государство.

Key words. Financial system, devaluation, Bank of Russia, Ministry of Finance, liberalism, monetarism, integration, growth, recession, speculation, regulation, state.

Финансовая система России складывалась, а во многом и сознательно создавалась как высокоэффективный инструмент спекуляций и в настоящее время является тормозом экономического развития и в целом общественного прогресса страны. Ее реформирование — условие не только возрождения, но и самого сохранения нашей страны и, более того, всей русской культуры, всей российской цивилизации.

Базовым принципом созидательной переориентации финансовой системы представляется отделение спекулятивных денег от средств реального сектора, как инвестиционных, так и оборотных. Конкретные методы его реализации могут быть различными: контролируемым предоставлением целевого финансирования, в том числе кредитов (используется США и Евросоюзом, предлагается С. Ю. Глазьевым); валютным контролем (применялся в СССР и Западной Европе, сейчас в Китае); разделением банковской системы на инвестиционную и спекулятивную (применялось в США с 1933-го по 1999 год); контролем структуры акти-

вов банков (применялось в Японии до 2000 года); ограничением вывода спекулятивных капиталов (применялось в Малайзии и Чили в конце 1990-х) и в целом их трансграничного движения (предлагается сторонниками «налога Тобина»; о возможности введения такого ограничения предупреждали власти Великобритании во время дестабилизации зоны евро в начале 2010-х годов).

В свете необходимости оздоровления социально-экономической политики России и перехода к нормальному состоянию после разрушительных либеральных реформ следует заранее проанализировать, какие именно методы наиболее эффективны для современной России.

Участники:

Глазьев Сергей Юрьевич — академик РАН, советник президента Российской Федерации (в личном качестве);

Делягин Михаил Геннадьевич — директор Института проблем глобализации, главный редактор журнала «Свободная Мысль», ведущий;

Жуковский Владислав Сергеевич — управляющий активами финансовой группы «РИКОМ»;

Кобяков Андрей Борисович — председатель правления Института динамического консерватизма; **Самохвалов Аркадий Федорович** — первый заместитель Министра экономики РФ (1998—2000);

Филатов Владимир Иванович — ведущий научный сотрудник Института экономики РАН;

Хазин Михаил Леонидович — президент Фонда экономических исследований Михаила Хазина.

Доклад С. Ю. Глазьева опубликован выше в качестве отдельной статьи.

Михаил Хазин. Сложившаяся в нашей стране финансовая модель возникла в рамках реализации политической задачи вхождения в западный мир.

Разные подходы к принципам этого вхождения породили две партии: первую условно можно назвать «либерастической» («либераст» — сочетание слов «либерал» и «коллорационист»), а вторую — партией «конвергенции». Последняя имеет в нашей стране богатую историю, так как опирается на давнюю идею конвергенции, согласно которой социалистический и капиталистический миры должны были сближаться, усиливая свои лучшие стороны и освобождаясь от худших.

Это не получилось, и сейчас данный сценарий маловероятен. Но в свое время его по каким-то причинам активно продвигал Ю. В. Андропов, из-за чего многие люди, сформировавшиеся в 1960—1970-е годы, этот сценарий приняли. В частности, его очень поддерживает президент России.

Специфика этого сценария в том, что российская элита целиком входит в западную как составная часть.

Либерастический же сценарий предполагает, что, раз мы идем в западный мир и должны жить в нем по его правилам, то западная элита сама определит, кто будет в нее входить, а кто — нет. И никакой внутри-российский статус не будет иметь для этого никакого значения. Образец такого подхода дал Каспаров, который искренне возмущен тем, что разные депутаты, министры и прочие начальники не оказывают ему почестей, хотя его признали белыми сагибы. В рамках либерастического подхода аборигены должны оказывать почести белому сагибу и тому, кого

тот признал, — и Каспаров искренне огорчается дикостью российских аборигенов, которые этого не понимают и не ведут себя соответственно.

События последних двух лет заставляют предположить, что сценарий конвергенции неисполним. Пока Советский Союз был сильным, оставались надежды на достижение договоренности. Сегодня, как я понимаю, Путин решил силой навязать этот сценарий Западу: если не получается дружить по-хорошему, мы силой заставим вас дружить. Но я подозреваю, что этот подход будет безуспешным.

В нашей стране экономическую политику всегда творили представители либерастической партии. Смысл ее выражен в гайдаровской схеме, по которой Россия не должна иметь внутренних источников инвестиций, то есть развития, а все инвестиции должны иметь исключительно внешние источники.

Это соответствует бреттон-вудской модели, которая была принята западным миром в 1944 году. Напомню, что на Бреттон-Вудской конференции были созданы МВФ и Мировой банк; позднее были оформлены Генеральные соглашения по тарифам и торговле, сегодня именуемые ВТО, а стержнем системы является международная роль Федеральной резервной системы (ФРС) США как долларového регулятора. Роль ФРС в этом смысле уникальна: это единственный в истории пример международного регулятора, управляемого полностью на национальном уровне.

Даже в МВФ и Мировом банке у нас есть хотя бы возможности получать некую информацию об их внутренней кухне, — а про ФРС не только мы, но и вообще никто извне ничего определенного не знает. Эта закрытость принципиальна.

Неработоспособность схемы Гайдара в России уже очевидна всем, я даже не буду на этом останавливаться.

Интересно другое: бреттон-вудская модель, возникшая в 1944 году, когда экономика США составляла больше половины мировой, предполагает постоянное расширение сферы оборота доллара и эмиссию под это расширение. Соответственно, вся мировая финансовая система ориентирована на постоянную эмиссию доллара.

Поэтому с формальной точки зрения, по балансу доходов и расходов, почти все современные международные банки убыточны: они не могут существовать без постоянной эмиссионной подпитки.

В США это понимали, и поэтому в 2011 году финансисты, осознав невозможность контролировать эмиссию мировой резервной валюты на национальном уровне, попытались вывести эмиссионный центр на международный уровень, создав мировой центробанк. Это была попытка революции, комбинации мирового масштаба, которую финансисты провели в 1913 году на национальном уровне созданием ФРС.

Однако делом Стросс-Кана США было показано, что управление долларом не дадут вывести в международный формат.

Следствием стали серьезные проблемы международных банков. Как они будут их решать, непонятно, так как в 2014 году США остановили долларовую эмиссию и больше не могут ее продолжать. Инструменты безинфляционной эмиссии исчерпаны; последним было изменение

структуры денежной массы. С 2008-го по 2014 год кредитный мультипликатор в США упал с 17 до 4; если опустить ниже, начнется кризис неплатежей, как у нас в 1990-е (когда он опускался до 1,2).

Таким образом, с 2014 года мы живем в ситуации, когда остановилась эмиссионная и, соответственно, инвестиционная машинка. Инвестиционный ресурс не просто ограничен, он неуклонно сжимается, так как опирается на эмиссию долларов, а она более невозможна.

Мы это почувствовали, поскольку наш кусок эмиссии долларов, который мы получали через высокие цены на нефть, тоже стал уменьшаться. Санкции в этом смысле играют вспомогательную роль; мы бы их и не заметили, имей мы внутренний инвестиционный ресурс.

Главное сегодня — невозможность восстановления инвестиционной машины, основанной на эмиссии долларов. Вывод прост: мир должен переходить к новой инвестиционной модели. Единственный теоретически возможный источник инвестиций — эмиссия региональных валют.

Модель построения реального сектора экономики в мире радикально изменилась за последние 35 лет. Если ранее предприятие должно было жить за счет прибыли, то сегодня оно живет в основном за счет рефинансирования долга и кредитов под растущую капитализацию.

Текущий баланс доходов и расходов у большинства предприятий отрицательный, и в отсутствие эмиссии все эти предприятия начнут погибать. Есть подозрения, что из-за этого уже фактически обанкротился Glencore, и признание этого означает серьезные проблемы в мировой финансовой системе.

А чтобы перестроить реальный сектор даже в тех странах, где он очень мощный, — в Германия или США, — необходимы огромные инвестиции. Их единственный источник — это, кстати, нам легче сделать, так как нам ничего не нужно ломать, у нас уже все сломано, — региональные эмиссионные валюты. Единый долларовый мир будет распадаться на валютные зоны, одной из которых теоретически может быть евразийская.

Даже одна Россия просто за счет увеличения монетизации может получить колоссальный объем рублевых инвестиций. У нас монетизация сегодня — около 30 процентов ВВП, у США — 150, но, предположим, для нефинансовой экономики нужно 100 процентов. Значит, наш эмиссионный потенциал равен двум третям ВВП, который у нас по паритету покупательной способности оценивается почти в 3 триллиона долларов (все нужно считать по паритету покупательной способности), а это 2 триллиона долларов инвестиций, которые мы можем получить буквально на пустом месте.

Единственная проблема в том, что либерастическая партия придерживается западных правил, по которым денежные власти должны обеспечивать свободный отток капитала. Именно поэтому у нас сняты все ограничения на валютном рынке: даже в условиях паники в декабре 2014 года не ввели ни налог на обмен валюты, ни, хотя бы частично, обязательную продажу валютной выручки, ни ограничения открытой валютной позиции. Имеется масса способов ограничить разрушительные валютные спекуляции, но не было сделано ничего.

Нужно понимать, что условием создания своего эмиссионного центра является ограничение перетока рублевой денежной массы в валютную.

Затем нужно создавать институты развития. Соответствующая программа была написана и направлена в правительство за подписью первого заместителя министра экономики Панскова еще осенью 1996 года — и разумеется, положена под сукно.

Наша задача — создание рублевой финансовой системы, не зависящей от доллара, включение в нее желающих стран, постепенный переход к инвестиционному процессу за счет эмиссии рубля и увеличение таким образом монетизации экономики. Что и как делать на этом пути, примерно известно. Кстати, эмиссия рубля в рамках описанной программы порождает не инфляцию, а дефляцию, потому что сфера оборота рубля растет быстрее, чем денежная масса.

Таким образом, сегодня у нас есть потенциал роста примерно в 5—7 процентов в год в течение 15—20 лет. Перед глазами пример Казахстана, который подобную программу начал семь лет назад и обеспечил соответствующий рост. В России реализация данной программы не начинается в основном из-за партии либералов. Она находится в политическом конфликте с партией конвергенции. Но, поскольку пока они вместе выступают против условно-патриотических партий, это к отставке правительства и оздоровлению государственной политики не ведет.

Михаил Делягин. По вышесказанному хотелось бы сделать два замечания.

Первое: про отток капитала. Был такой олигарх Бендукидзе, который, помнится, вывел серьезные деньги из российской атомной промышленности, сорвав этим важный экспортный контракт, и сбежал потом в Грузию, где стал министром экономики. Это он сказал, что в Грузии нужно продать все, кроме чести. По слухам, после этого делалась пауза, и фраза заканчивалась словами «то есть все».

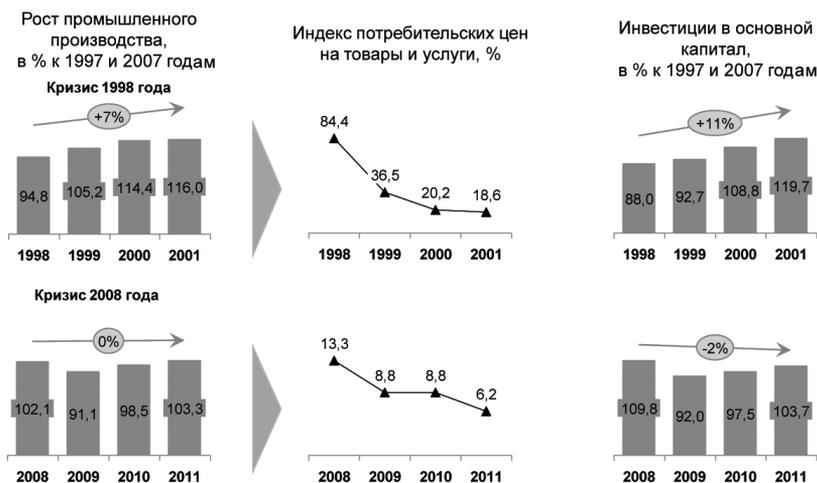
Так вот, более десяти лет назад он заявил в частной беседе, что главным правом человека, свидетельствующим о наличии или отсутствии демократии, является право свободно вывести из страны миллион долларов. А все остальные свободы значения не имеют. Когда же его спросили о людях, у которых нет миллиона, стало ясно, что для него подобные существа людьми не являются. Это искреннее выражение ценностей либералов.

Второе мое замечание: особенность человеческой природы заключается в уважении людей, излечивающих нас от смертельных заболеваний. Поэтому я всегда буду сохранять уважение к Ясину, который вылечил меня, может быть, бессознательно, от либерализма.

Когда он лет двадцать назад оценивал объем инвестиций, нужных России для развития, он назвал, с учетом обесценения доллара, примерно ту же сумму, что и М. Л. Хазин. Думаю, это хороший знак: мы можем быстро получить именно те деньги, которые нам нужны.

Аркадий Самохвалов. Для меня было удивительно обнаружить, и в этом я согласен с М. Г. Делягиным, — что экономика способна быстро

восстановиться даже после серьезного кризиса, и для этого ей надо только чуть-чуть помочь, создать необходимую атмосферу. На экономических форумах сегодня модно говорить, что основная проблема сейчас не в нехватке денег, а в недостатке проектов. Но порой никакие деньги не помогают, а бывают странные периоды, когда даже минимальные деньги творят чудеса.

Рис. 1. Меры по преодолению кризиса 2008 года не позволили добиться быстрого восстановления и устойчивого роста промышленного производства и инвестиций (в отличие от 1998 года)

Источник: Росстат.

Успех правительства Е. М. Примакова, на мой взгляд, объясняется рядом шагов, которые не делало ни одно российское правительство ни до, ни после него. Рассуждающие о нем подчеркивают, что оно якобы плыло по течению, ничем не занимаясь, чем якобы и объясняются его сила и красота достигнутых им результатов, которые вроде бы получились сами собой. Как часто заявляют, ему помогло подорожание нефти, — хотя оно началось после его отставки, уже осенью 1999 года, когда положительные сдвиги в экономике были уже очевидны и уверенно нарастали.

Первое, что сделало правительство Е. М. Примакова, и что не могли или не хотели сделать другие правительства, — это обновление руководства. Практика преодоления кризиса 2008 года показывает: без этого даже наличие здравомыслящего премьера, говорящего правильные вещи и желающего что-то полезное сделать, разбивается о системное противостояние доведших дело до кризиса деятелей, окопавшихся во всех ключевых ведомствах.

Е. М. Примаков сменил все руководство экономикой сразу, включая Банк России. Единственным оставшимся из прошлого правительства был министр финансов М. М. Задорнов, который принял все предлагаемые меры, в том числе и снижение ставки НДС на 5 процентов, заблокированное Ельциным. Если бы высвободившиеся таким образом ресурсы пустили в экономику, сохранив оборотные средства, результаты стали бы значительно более впечатляющими.

Говоря о деятельности правительства Е. М. Примакова и Банка России под руководством В. В. Геращенко, надо учитывать, что банковская система после дефолта и вызванной им девальвации была разрушена, и В. В. Геращенко ее восстановил «в ручном режиме», при помощи картотеки.

Отделив накопленные долги от текущей деятельности, он начал буквально проталкивать текущие расчеты, и функционировавшие предприятия начали получать средства. В результате расчетная система ожила за два месяца.

Предпринимались и меры стратегического характера. Так, Е. М. Примаков и В. В. Геращенко создали Агентство по реструктуризации кредитных организаций (АРКО), основная функция которого заключалась не в ликвидации нежизнеспособных банков, но, напротив, в помощи буквально пяти системным банкам (механизм их выбора — это отдельный вопрос), а также здоровым региональным средним банкам. Это сохранило основу банковской системы и затем обеспечило ее развитие.

Правительство Е. М. Примакова снизило налоги впервые за долгие годы реформ. Принципиально введение льготы по налогу на прибыль, направляемую на инвестиции. Эта инвестиционная льгота широко используется во всем мире, но у нас была быстро отменена Кудриным. Смысл ее очевиден: стимулирование накопления ресурсов для развития вместо проедания прибыли.

Важной позитивной мерой стало распределение доходов поровну между федеральным и региональными бюджетами.

Были полностью заморожены тарифы естественных монополий. После кризиса 2008 года они продолжили бурный рост, — а после дефолта их разморозили лишь через год, когда предприятия уже могли платить. В результате они не сдерживали экономику на самом сложном, стартовом, посткризисном этапе.

Правительство Е. М. Примакова активно стимулировало внутреннее потребление: был в кратчайшие сроки ликвидирован долг по зарплате, а бюджет стал не только платить за госзаказ, но и авансировать его.

Главное, о чем постоянно забывают, — восстановление денежных расчетов. Ведь деятельность реформаторов свела товарно-денежные отношения к 25 процентам! Доминировали бартер, зачеты и денежные суррогаты: три четверти оборота обходилось без денег. От этого страдал бюджет, а управление предприятиями часто осуществлялось на уровне не владельца или директора, а отдела снабжения, ворочавшего огромными объемами продукции.

Бартер был ликвидирован административными методами и очень быстро. Именно это дало импульс для развития экономики. Без этого не было бы ни рынка, ни экономического роста так называемых «тучных» 2000-х годов, да и сами они «тучными» не были бы.

Такой же качественной мерой, поднявшей экономику на ноги, была реструктуризация огромной накопленной задолженности перед бюджетом и социальными фондами. Мы заморозили этот конфликт, и тем, кто выполнял текущие обязательства, долг сначала переносился, а затем реструктурировался.

Эти два шага тесно связаны друг с другом: в случае ареста счетов из-за неплатежей предприятию не остается иного выхода, кроме бартера.

Удивительная вещь произошла с кредитами.

Рис. 2. Динамика кредитования банковского и небанковского секторов экономики (без учета Внешэкономбанка, прирост к предыдущему году, процентов)

Источник: Росстат.

Примечание. В ходе преодоления кризиса 1998 года объем направляемых банками в экономику кредитных ресурсов возрастал. В ходе преодоления кризиса 2009—2010 годов он фактически был «заморожен».

В условиях кризиса 1998 года и в ходе его преодоления объемы кредитования банковского и небанковского секторов экономики по отношению к докризисному уровню были значительно увеличены (ежегодно объем кредитования увеличивался более чем в 1,5 раза).

При этом в 1998—1999 годах кредитование банковского сектора экономики осуществлялось несколько более высокими темпами, чем небанковского, что обуславливалось требованием его опережающего восстановления.

С 2000 года рост кредитования банковского сектора замедлился, а рост кредитования небанковского сектора ускорился за счет, главным образом, ресурсов восстановившегося банковского сектора.

В условиях современного кризиса рост объема кредитования, в первую очередь небанковского сектора экономики, по отношению к их докризисному уровню резко замедлился. При этом в 2008 году было значительно увеличено кредитование банковского сектора на фоне снижения роста кредитования небанковского сектора экономики.

В 2009—2010 годах объем кредитования был фактически «заморожен». При этом, в отличие от кризиса конца 1990-х годов, банковский сектор так и не предоставил большей части заемщиков экономически приемлемых условий для удовлетворения их потребности в кредитовании.

В 1998 году деньги предоставлялись банковской системе, а затем она стала отдавать их небанковскому сектору. На рисунке 2 видно, что после стабилизации банковской системы объемы и главное — темпы роста кредитования этого сектора уверенно росли. Таким образом, мы в период кризиса влили в банковскую систему деньги, восстановили платежную систему, — а дальше банки стали работать сами, обеспечивая

развитие экономики. Удивительно, что эта деятельность велась самостоятельно, без стимулирования государства.

Обеспечив минимальную стабильность, банки начали кредитовать реальный сектор по двум причинам. Прежде всего, их руководители были еще немножко не рыночниками, не финансистами и про закупки валюты как-то не вспоминали. Но главное — система не была зарегулирована. То, что сделал в части регламентации банковской деятельности Игнатьев, и то, что продолжает делать Набиуллина, — это ужас, лишение банков возможности работать: им теперь шагу нальзя сделать. Банки не могут рисковать, даже если хотят, и процесс кредитования неимоверно усложнен. Это целая проблема — получить и дать кредит.

В 2008 году, как видно на рисунке 2, банковская система получила деньги, но лишь незначительно увеличила кредитование небанковского сектора, оставив полученное себе. В результате поддержка банков имела незначительные позитивные результаты для экономики.

В 1998 году впервые была введена обязательная продажа валюты, были формализованы правила применения таможенных пошлин для насыщения бюджета: в соответствии с динамикой мировых цен должна была меняться таможенная пошлина.

Разумеется, в 1998 году необходимы были описанные меры, а сейчас — другие.

Но главное, на что нужно обратить внимание, — это доступность кредитования, которая имеет социально-политическое значение. Можно все завалить деньгами. Но, если не будет предпринимательства и стимулов инициативы, это окажется бессмысленным. А для инициативы нужны деньги. Так, в Германии создан подлинный культ предпринимательства. Там государство только и думает, как бы подобрать инициативу и дать деньги, чтобы та начала работать на экономику. Мы, к сожалению, об этом не думаем: нам кажется, что сначала должна снизиться инфляция, и только потом мы начнем заниматься кредитами.

И, конечно, надо развернуться спиной к системообразующим банкам и ориентироваться исключительно на фондирование средних банков, потому что наши «жирные коты» давно «мышей не ловят». Я согласен с необходимостью разделять деньги спекулятивного и реального секторов и устраивать жесткую конкуренцию. Если мы дадим ресурс для работы с предпринимательством средним и даже малым банкам, то дело пойдет быстрее, чем сейчас. А пока господин Костин заявил об убыточности работы со средним и малым бизнесом. Думаю, он забывает, что в крупных банках кошмарное число клерков привыкло выдавать кредиты среднему и малому бизнесу на основе не экономического содержания проектов, а иных критериев. А для банка это, разумеется, оборачивается убытками.

Второй принципиальный ныне вопрос — это вопрос об НДС, который мы не успели решить в правительстве Е. М. Примакова. Это самый криминализированный, «черный» налог: и по уплате, и по возврату.

Лучший руководитель налоговой службы Г. И. Букаев еще в начале 1990-х предложил спецсчета на НДС, то есть не пускать предназначенные на НДС средства в кассу предприятия, а учитывать их отдельно.

В отличие от замены НДС налогом с продаж тогда не надо ломать всю систему. Более того, НДС — хороший инструмент для анализа: он сразу показывает состояние предприятия. По расчетам Г. И. Букаева, введение спецсчетов для НДС должно сопровождаться снижением его ставки. Возможно, надо даже перейти к ставке в 10 процентов; это еще понизит привлекательность махинаций.

И разумеется, надо разобраться с возвратом НДС при экспорте сырья. Перспективность этого продемонстрировали недавние усилия налоговой службы: она только начала формализовывать встречную проверку этого налога, — а его сбор при снижающемся обороте уже вырос на 20 процентов.

Важное направление работы — бюджетный федерализм, к которому всегда обращался Е. М. Примаков. Это вопрос социально-политический. Ведь дефицитность регионального бюджета ведет к тому, что многие субъекты экономики региона живут подачками губернатора, а тот, в свою очередь, министра финансов. Это меняет подбор людей, так как большинство нормальных профессионалов не пойдет работать в условиях заведомо унижительной ситуации, когда им надо выпрашивать необходимое.

Надо конституционно закрепить расщепление основных налогов — НДС, налога на прибыль и подоходного налога — между тремя уровнями бюджетной системы. При этом региональные и местные бюджеты должны получать не менее половины доходов.

В 1998 году часть НДС доставалась регионам, и это существенно мотивировало их. Возможно, надо распределять НДС по примеру Германии, где четверть его делится между регионами по численности населения, так как это косвенный налог, который в конечном счете платят именно люди. В нашей ситуации эти средства разумно направлять не в региональные, а в местные бюджеты, — и тогда мы увидим совсем другое качество кадров и в муниципалитетах, и в регионах России.

Особенно важно, что у нас, как и в 1992 году, ключевые решения принимаются без должного анализа, на основе идеологических установок. Это ведет к принципиальным ошибкам.

Так, инвестиции приходят в страну после начала экономического роста. Устойчивый приток инвестиций впервые наблюдался с оживлением экономики в 1999 году. А нам объясняют, что сначала в экономику должны прийти инвестиции, и лишь после этого возможно увеличение ее объемов. Но ведь это не так!

В 2001 году инфляция составляла 18 процентов, а в 2011-м — лишь 6,2 процента, но в 2001-м темпы роста кредитования были громадными, а в 2011 году — никакими. Не связаны эти процессы! Прав Китай, который спокойно кредитовал экономику по ставке ниже инфляции. Ведь инфляция — это лишь несоответствие товарной массы денежной, и без кредитов нарастить товарную массу и, следовательно, подавить инфляцию невозможно. И это сказки, что якобы можно решить проблему как-то наоборот.

Главное в политике правительства Е. М. Примакова — организация добросовестной конкуренции и управления при помощи запуска откры-

тых для общего участия процессов на основе универсальных простых правил. Эти принципы были растоптаны в последующие годы: так, в антикризисных мерах 2008 года было без тени смущения указано, что вопросы о больших долгах решает лично министр финансов. И до сих пор решение всех значимых вопросов идет в режиме «ручного управления» и требует приезда либо премьера, либо хотя бы министра. Любой шаг осуществляется по отдельности, заново и изолированно, и никто даже не пытается запускать самоподдерживающиеся процессы.

И последнее: сегодня оздоровление экономики должно начинаться с предприятий и банков с госучастием. Все знают гнилые системы, сформировавшиеся в некоторых из них, и обеспечение платежной дисциплины, в том числе и в отношении налогов, должно касаться прежде всего них. А заниматься мелочью, конечно, надо, — но лишь во вторую очередь.

Михаил Делягин. Добавлю: правительство Е. М. Примакова сразу отменило ускоренное банкротство, которое в 1997 году изо всех сил пропагандировал, в частности, Алексашенко; по сути, эта процедура стимулировала рейдерство.

Правительство Е. М. Примакова дало скидки железнодорожным перевозкам ключевых товаров, например, угля и зерна.

В наиболее сложное время банк мог спекулировать на валютном рынке как угодно, — но лишь в пределах рабочего дня. А уйти с рынка он должен был с суммой валюты не выше той, с которой он на него пришел. Ведь краткосрочные, в пределах дня, спекуляции не разрушают валютную стабильность.

Необходимые меры надо систематизировать прямо сейчас, потому что нет ничего ужаснее ситуации, когда все надо было сделать вчера, а считать последствия можно будет лишь завтра. В условиях нарастания социально-экономического кризиса мы должны быть готовы к ней в любой момент.

Андрей Кобяков. Хорошо, что разговор сегодня вместо привычной концентрации на разного рода деталях строится очень системно. Ведь любой опыт важен только в рамках определенной логики: необходима смена самой логики действий. Главное достижение правительства Е. М. Примакова заключается как раз в изменении логики госуправления.

Однако у наших возможностей есть объективные пределы. Мы понимаем, что современная мировая финансовая система глубоко порочна. В ней господствуют разнообразные иррациональные схемы, перераспределяющие средства от большинства к меньшинству. И целые страны эксплуатируют эти механизмы.

Мир находится в преддверии нового глобального финансового кризиса, который должен начаться в развитых странах. В этом сходятся многие известные финансисты, включая Джима Роджерса и Уоррена Баффета. Да и анализ показывает наличие 7–8-летних циклов финансовых кризисов, которые отражают цикл надувания и схлопывания финансового пузыря.

Этот пузырь имеет свою логику развития, наглядно наблюдаемую в США, по крайней мере, с начала «рейганомики». Его развитие протекает в разных сферах: в облигациях, потом в акциях, потом переходит в высокотехнологичные акции, после обвала этого рынка переходит на рынок недвижимости и деривативов, связанных с недвижимостью. На каждом этапе США высасывают деньги глобальных инвесторов, финансируют свои инвестиционные программы, обогащаются, потом схлопывают «пузырь» и начинают раскручивать новый.

Международная система финансов давно уже не исполняет свои функции глобального оптимизатора. Однако мы не в состоянии ее сломать; именно с учетом этого, по-видимому, диапазон рассмотрения нами вопросов обозначен сегодня от желаемого до минимально достаточного.

Желаемое — это коренная, радикальная реформа всей мировой системы финансов: надо пересмотреть и ее виртуальность, и работу денежного механизма, и вопросы регулирования. Но мы не можем достичь этого сами. Как было отмечено, вряд ли мы увидим со стороны нынешних хозяев мира желание вести какие бы то ни было переговоры о долларовой эмиссии, ее принципах и принципах устройства современного финансового механизма в целом, о том, на чем строится последнее полвека современная глобальная финансовая власть, которая, наверное, самая главная власть и есть. Поэтому надеяться выступить инициатором нового Бреттон-Вудса в отсутствие главного игрока нереалистично.

Пытаться отстраивать крупную финансовую модель в рамках БРИКС или каких-то других форматов более рационально. Но и здесь мы не являемся главными игроками, хотя и можем выступить с инициативами.

Евразийскую интеграцию надо переосмыслить с точки зрения создания новой финансовой инфраструктуры. В этом направлении приняты многие интуитивно верные решения, в частности, поручения В. В. Путина в начале года правительству и Банку России (о которых благополучно забыли) ускорить разработку механизма валютного взаимодействия к минувшему сентябрю. Но пока даже наиболее распространенная постановка темы евразийской интеграции не соответствует потребности. Она должна не сводиться к упрощению торговли, а заключаться в конструировании финансовой системы, повышающей суверенность Евроазиатского экономического союза в целом. Здесь происходит стыковка того, что мы можем делать на уровне национальном, с усилиями на уровне международном.

Важно помнить о моральном смысле экономической политики. Ведь современная неolibеральная доктрина, соблюдая формальную чистоту следования некоторым инструментам и выводам классической либеральной доктрины, полностью выхолостила ее смысл. Смысл рынка обосновывался в любой классической либеральной доктрине общественным благом. Верно это или нет, но Адам Смит с придыханием писал про «невидимую руку» рынка только потому, что она рассматривалась почти как провидение господне, как механизм, обеспечивающий наилучшее распределение ресурсов, самое справедливое вознаграждение, выпуск нужных товаров. Только это служит для либералов оправданием

их принципов, в частности, свободы торговли, невмешательства государства, минимизации регулирования.

Но современная экономическая система (уверен, что и при Адаме Смите она была идеализирована в этом смысле) не имеет ничего общего с совершенным рынком. Олигополистические рынки перестали достигать целей, оправдывающих существование рынка как такового.

Так, финансовые рынки не функционируют как рынки инвестиционных ресурсов, которыми они должны быть. Они перераспределяют богатство, но не ресурсы для обеспечения использования их обществом. Тем самым они не исполняют свою общественную функцию: объем глобального валютного рынка лишь на 1 процент объясняется потребностью в обеспечении товарных сделок. Еще 1 процент — платежные операции: пополнение резервов центральных банков, выплата долгов и т. д.; а 98 процентов — это чистая спекуляция.

На фондовых рынках первичное размещение и даже дополнительная эмиссия акций обеспечивают лишь мизерную долю операций. Целью инвесторов, работающих на них, являются не дивиденды — дивидендная доходность давно забыта. Смысл их деятельности — игра на росте или падении котировок. Значит, фондовый рынок — не более чем огромный навес, про который нам постоянно говорят, что он нужен, поскольку нужна ликвидность, без которой рынок не определит правильные цены. Но мир вот уже несколько десятилетий как нарушил все разумные представления о том, какая должна быть ликвидность, и отсылка к ней — просто ловушка, в которую нас пытаются загнать, не давая возможности регулировать эту систему.

Непонятно, почему разговоры о введении «налога Тобина» до сих пор остаются разговорами. Конечно, вводить его в одиночку бесполезно. Но мы можем ввести регулирование валютного рынка в условиях валютного кризиса более жесткими мерами, например, отслеживанием той же валютной позиции банка, о которой упоминал М. Г. Делягин.

Мы много лет говорим, что фондовые рынки не являются механизмом финансирования. В структуре инвестиций предприятия есть собственные средства, небольшая доля кредитов, и практически нет в качестве источника инвестиционных программ фондового рынка. Понятно, почему: чтобы это был рынок длинных денег, надо облагать высоким налогом любые краткосрочные операции. Я уж молчу про необеспеченные короткие продажи: они просто должны быть запрещены на нашем рынке, особенно в условиях кризиса. Для этого есть огромный международный опыт: если вы владеете акциями два года, вы получаете освобождение от налогов по операциям с ними, а первый год каждая операция с ними должна облагаться налогом до 90 процентов. В результате под запрет попадает большинство спекулятивных операций.

Бесконечно долго говорится, что огромные средства уходят из страны в оффшоры. Эту проблему можно было решить в мягком режиме в течение года, — а можно и за один день, максимум за неделю. Давайте хотя бы дадим бенефициарам возможности определиться: здесь они или там, уйдут они в эмиграцию или останутся. Но не делается даже этого.

Если мы просуммируем прозвучавшее здесь, получим: повышение монетизации способно быстро дать стране триллионы долларов. Перекрытие каналов вывоза капиталов как жесткими, так и мягкими мерами даст сотни миллиардов долларов; а если говорить о накопленном потенциале — опять триллионы. Перераспределение внутренних потоков капитала, включая сбережения граждан, чтобы они шли не в спекуляции, а на конкретное кредитование — дополнительный огромный ресурс.

И ничего из этого не используется.

Поэтому должна меняться сама идеология. Возможности-то у нас безграничны, — я мог бы, сосредоточившись только на фондовом рынке, показать, какой там заморожен огромный потенциал.

Если не ломать порочную спекулятивную логику, продолжать действовать согласно абсолютно извращенной, ханжеской логике, навязанной нам неолиберальными учебниками «экономикс» и Вашингтонским консенсусом, мы утратим не только суверенитет, но и всякие надежды на развитие. А на деле наш потенциал позволяет экономике в течение 20 лет стабильно расти с темпом 5—7 процентов в год за счет разумной денежно-кредитной, налоговой и регулирующей финансовыми рынками политики, стимулирующей инвестиции.

Владимир Филатов. Многое здесь уже было сказано, и сказано в том ключе, которого я придерживаюсь не первый год. Важно, что существует два основных вектора, и вопрос в том, почему государственники проигрывают.

В значительной мере потому, что мы остаемся на мировоззренческом уровне и доносим свою концепцию не в тех масштабах. Даже здесь нас заносит в некоторые политические вещи. С точки зрения реальной экономической политики политическая воля является определяющей, но лишь когда определенное мировоззрение становится доминирующим; а наше мировоззрение доминирующим пока, к сожалению, не стало. В докладе С. Ю. Глазьева была мысль о необходимости ограничивать валютные вольности, что вызвало огромный резонанс. А почему их нужно ограничивать и зачем — это все относится к другой логике и отходит на второй план. Поэтому я думаю, что, прежде чем нам говорить о финансовых механизмах, нужно понимать: они являются частью некоторой системы. А вне системы — это некий политический спич с элементами вкусовщины, что, мол, кругом одни патриоты.

Что мы должны поставить во главе экономической политики? Я думаю — экономический рост.

А какой экономический рост? Мы отстаем в 2—3 раза по показателю ВВП от ведущих держав. Если все это рыночное движение, которое мы затеяли в известном году, делалось ради создания биржи и частной собственности, — это один вопрос. А если чтобы действительно сократить вот этот разрыв и выйти в одни из ведущих экономических держав, то это — другой вопрос.

Экономический рост — многоаспектная проблема. Во-первых, за счет чего он структурно может быть обеспечен? Во-вторых, за счет каких ре-

сурсов он должен быть обеспечен? Здесь возникает вопрос финансовых ресурсов: должны они быть внутренними или внешними, и если внутренними, то какие механизмы должны быть? Третий вопрос касается институциональной среды — он у нас стоит на первом месте с 2000 года. Мы делаем институциональную среду. А на что она должна опираться?

Весь комплекс этих вопросов стоит перед нами. Поэтому все финансовые механизмы, о которых мы говорим, являются второй или третьей производной. Их нужно рассматривать через призму изложенного.

Чтобы нормально развиваться, нам в экономику в год нужно вкладывать на 7 триллионов рублей больше, чтобы выйти на 6—7 процентов прироста ВВП. А 6—7 процентов прироста ВВП позволяют за десять лет удвоить ВВП. Это достаточно реальные темпы, на которые нужно ориентироваться. А кто нам даст эти 7 триллионов рублей, или 120 миллиардов долларов США? Это прямые инвестиции без всяких фондовых. Их могут дать разве что иностранные инвесторы, — но они помалкивают. Но раз либералы не знают, где взять эти деньги — то и говорить тут не о чем.

А если говорить об экономике как таковой и ее развитии, то, соответственно, выстраивается логика. Скажите, структурно за счет чего мы будем развиваться? С. Ю. Глазьев говорит, что это возможно за счет новой технологической волны. А я возражаю: новой технологической волной нужно заниматься. Хорошо, если мы на пустом месте выйдем в мировые лидеры, но больших объемов это не даст.

По поводу того, что первично: деньги или проекты, — конечно, денег без проектов не бывает. А то, что разгоняют Совет по производительным силам (СОПС), связано с отсутствием проектов. Сегодня говорят: давайте мы сейчас, как из пазликов, соберем проекты на основе того, что дадут регионы, Агентство стратегических инициатив и кто-то еще. Мол, кто-то их куда-то отберет и что-то из них выстроит. В СССР это делалось через СОПС, который три года занимался разными предложениями только для того, чтобы увязать их в единое целое. Для этого была создана специальная структура, потому что финансируются не цели, а конкретные проекты.

Владислав Жуковский. Программы стабилизации финансовой системы давно разработаны и Академией наук, и экспертным сообществом. Их основные принципы и механизмы общеизвестны, — просто не применяются.

Намерения государства видны из Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики; это не менее важный документ, чем бюджет. Из него следует, что в 2016 году сегодняшние проблемы будут только усилены, а кризис будет нарастать.

Бюджет-2016 исходит из цены нефти в 3150 рублей за баррель, что ниже уровня первых девяти месяцев этого года; предполагается, что курс рубля будет искусственно завышен. Это значит, что государство ориентируется на обострение кредитно-денежного сжатия и дефицит денег, что обусловит экономический спад в 4—5 процентов.

Банк России зафиксировал, что, чем жестче внешняя среда и чем дешевле нефть, тем более ограничивающей рост денежной массы будет его финансовая политика и тем выше будет процентная ставка.

По его оптимистичному прогнозу, при стоимости нефти 60—65 долларов за баррель номинальный рост денежной массы составит 4—5 процентов в год. При официальной инфляции в 5—6 процентов и реальной — более 10—15 процентов это означает сокращение денежной массы в реальном выражении. Монетизация экономики снизится с примерно 47 процентов ВВП в 2013 году и 43 — в 2014 и 2015 годах, видимо, до менее чем 40 процентов, то есть до уровня середины «нулевых» годов.

Поэтому уже сейчас заявляется, что будет сокращаться кредитование населения. Между тем именно оно вкупе с ростом доходов было основным фактором экономического роста в последние годы на фоне падающих частных инвестиций. Теперь у роста просто не будет источников.

Банк России четко указывает, что кредитование реального сектора будет увеличиваться только в номинальном, а не в реальном выражении. Но даже и в номинальном выражении в рублях объемы кредитования вырастут только благодаря переоценке валютных кредитов, в том числе и в экспортных секторах. Кредитование малого и среднего бизнеса в реальном выражении будет падать.

Таким образом, Банк России, как и Минфин, проводит политику удушения экономики и в первую очередь реального сектора, подавления частной инициативы. Они стремятся обеспечить макроэкономическую стабильность, поливая бензином все «точки роста», которые еще остались, бросая туда спичку и наблюдая, как они выгорают.

Макроэкономическая стабильность в понимании денежных властей напоминает кладбищенскую. Главная цель Минфина, насколько можно судить, — пополнение резервов, в том числе заморозкой пенсионных накоплений и сокращением расходов на социальные нужды. Фетиш Банка России — снижение инфляции ниже 6 процентов, хотя им уже давно пора было просто «нарисовать» нулевую инфляцию или вовсе дефляцию, и тогда на бумаге у нас давно бы уже закончился кризис и начался рост.

Михаил Делягин. Вы аккуратно такие идеи подсказывайте, а то ведь их и реализовать могут.

Владислав Жуковский. А их уже реализуют. Во втором квартале этого года официальный спад экономики — 4,6 процента за счет того, что дефлятор ВВП, то есть среднее удорожание всех его компонент по сравнению с прошлым годом, якобы составил 6 процентов.

То есть потребительские цены растут на 15,5—16,0 процентов, цены производителей на 13,0—13,5, продовольственные цены чуть ли не на 25, а общий рост цен почему-то 6 процентов.

Но ведь даже на фоне падающих продаж реальные издержки бизнеса все равно выросли на 19—20 процентов. А это значит, что реальный спад экономики превышает 15 процентов.

И на этом фоне Банк России торжественно обещает: никакого валютного регулирования и контроля, никакого контроля за движением

капитала, никакого целевого рефинансирования экономики, никакого контроля за тем, как банки тратят получаемую поддержку из бюджета и от самого Банка России.

Самое страшное, что Банк России обещает сократить свое чистое кредитование банковской системы с нынешних 6,5 до 1,5 триллиона рублей. Мол, у вас будут дешевая нефть, санкции и отток капитала, вам закроют рынки капитала в Европе и Америке, а мы еще и вчетверо подрежем рефинансирование банковской системы! В результате финансовые ресурсы будут сокращены в реальном выражении в 6–7 раз, что создаст бешеный денежный голод — денежные власти будут бороться с девальвацией и инфляцией лишением денег всех: и населения, и бизнеса, и реального сектора.

И вот когда в стране ни у кого не будет денег, и все перейдут на натуральное хозяйство и денежные суррогаты, тогда и инфляции, как, похоже, они считают, не будет.

Минфин строит бюджет, исходя из прогнозируемой цены нефти в 3150 рублей за баррель, а на деле нужно 3700, а лучше 4000, чтобы остановить экономический спад.

А с учетом рублевой инфляции баррель нефти сегодня стоит дешевле, чем 15 лет назад, и дешевле с 2011 года. По сути, с этого времени нефтегазовый «Титаник» России тонет.

В этих условиях Банк России открыто заявляет, что при дешевой нефти будет удерживать высокую ставку процента и поднимет обменный курс рубля так, чтобы, по сути дела, не возникало никакого стимула для импортозамещения, а экономика оказалась неконкурентоспособной.

Таким образом, денежные власти России не готовы заниматься развитием экономики и повышением ее конкурентоспособности ни при сильном, ни при слабом рубле.

Издержки выросли на десятки процентов, а девальвацию провели крайне нецивилизованно, пустив кровь реальному сектору экономики, обвалив весь долговой рынок и загнав процентные ставки на более высокий уровень, чем в Бразилии и Турции. В результате в условиях падающей рентабельности реального сектора, кроме металлургии и нефтегазового комплекса, производить никому ничего не хочется, потому что смысла в этом нет: издержки растут по экспоненте.

Сейчас месячная инфляция в России не высокая, на уровне 2012–2013 годов, когда Банк России снижал ставку до 5,0–5,5 процента. Поэтому нет препятствий для снижения ставки. Но нам говорят, что этого делать нельзя. Более того: искусственно завышая процентную ставку, надо загонять в Россию спекулятивный капитал, борясь таким образом за глобальное перемещение блуждающих «горячих» денег, которые якобы стабилизируют рубль, а с ним и всю финансовую систему.

Но процентные ставки на долговом рынке уже сейчас приближаются к долгосрочным ставкам по двадцатипятилетним гособлигациям. Финансовый и долговой рынки останавливаются, предвидя рецессию. Ставки краткосрочных займов растут, что говорит о предстоящем дефляционном шоке в реальном секторе — с падением производства, сни-

жением загрузки мощностей ниже 60 процентов, опережающим спадом производства инвестиционных товаров.

Будет ли Банк России повышать или понижать ставку, в рамках монетаристского подхода деньги в реальный сектор не попадут, и ситуация будет усугубляться. Даже если обнулить процентные ставки и в разы увеличить рефинансирование банковской системы, результатом станут развитие валютного рынка по образцам 2013–2014 годов и массовый отток капитала. В 2013–2014 годах совокупный кредит банковской системы быстро вырос с 3,5 до 10 триллионов рублей, но в то же время чистые валютные активы банковской системы увеличились с 1,5 до 6 триллионов. То есть основная часть денег, которые Банк России вливал в банковскую систему, без какого бы то ни было контроля уходила на валютный рынок.

Пока реальный сектор остается нерентабельным, а базовые издержки производства высокими, пока существуют колоссальные коррупционно-административные барьеры, инвестиции в реальный сектор будут невыгодными при сколь угодно дешевом кредите. Нужны комплексные изменения, охватывающие и денежно-кредитную, и фискальную, и бюджетную, и таможенную, и промышленную, и структурную политику. Менять необходимо всю сложившуюся систему.

Ключевым является вопрос кадров. Как писал М. Горький, «рожденный ползать летать не может». Кадровая чистка и даже люстрация сотрудников Банка России и финансово-экономического блока правительства более чем актуальна.

Михаил Делягин. Спасибо большое. Но все-таки дальность полета рожденного ползать обычно зависит от силы пинка.

Хочу подчеркнуть: ошибкой представляется надежда, будто либеральные денежные власти ориентированы на обеспечение роста или хотя бы поддержание стабильности общества. У меня как бывшего чиновника сложилось стойкое ощущение: либеральный клан последовательно, энергично, изобретательно и в целом эффективно работает на дестабилизацию системы.

Владислав Жуковский. В качестве иллюстрации могу добавить, что в октябре уходящего года кто-то мощный откровенно завышал обменный курс национальной валюты. Сначала на фоне падающей нефти рубль подешевел, но потом произошел полный и парадоксальный разворот. При этом падали схожие валюты: и сырьевые валюты, и бразильский реал, и индонезийская рупия, и индийская рупия, — а рубль рос.

Было видно, что по непонятным причинам осуществляется спекулятивная атака, но масштабы ее поражали. Результатом то ли спецоперации, то ли нежелания Банка России видеть и понимать, что происходит на валютном рынке, стала волна паники. При таком отношении Банка России к своим обязанностям на нестабильности финансовой системы будут зарабатывать самые разнообразные спекулянты — ценой нанесения нашему обществу огромного ущерба. ◆